

К.М. Оболенский

**Издания Общества
любителей древней
письменности. XXXVIII.
Повесть о суде Шемяки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К11

К11 **К.М. Оболенский**
Издания Общества любителей древней письменности. XXXVIII. Повесть
о суде Шемяки / К.М. Оболенский – М.: Книга по Требованию, 2019. – 56 с.

ISBN 978-5-518-05730-2

ISBN 978-5-518-05730-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ обширномъ циклѣ сказаній о судахъ, многочисленныя развѣтвленія котораго можно прослѣдить въ восточныхъ и западноевропейскихъ литературахъ, старинная русская повѣсть, весьма извѣстная на Руси уже со временъ Михаила Ѳеодоровича ¹⁾, подъ именемъ „Суда Шеняки“, представляетъ собою любопытное явленіе въ историко-литературномъ отношеніи. Основой для нея послужила древнѣйшая сага, источникъ которой указанъ Бенфеємъ въ буддійскихъ легендахъ ²⁾. Канва эта, въ которую вплетены различныя подробности, смотря по мѣсту и времени пользованія ею, раскрывается изъ сближенія нашей повѣсти съ тибетскою сказкой изъ Дзанглуна и другими сказаніями того-же рода, какъ, напримѣръ, приводимая Бенфеємъ индѣй-

¹⁾ См. старая русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ баснями въ лицахъ (1794 г. Москва). Нѣкій А. О., издавшій это стихотворное переложеніе повѣсти въ ея лубочномъ изложеніи, замѣчаетъ, что Шемякинъ судъ „тогдашняго штиля и съ картинами“ продавался на Спасскомъ мосту еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и былъ извѣстенъ „до времени сочиненія уложенія“.

²⁾ См. Fantschatantra. Erster Theil, § 166.

ская сказка о баирскомъ купцѣ, гдѣ судится солдатъ, задолжавшій жида³⁾. Общность канвы, давшей жизнь всѣмъ этимъ сказаніямъ, подтверждается въ нихъ одинаково неудачнымъ ходомъ дѣйствій подсудимаго, приводящихъ его въ судъ, и однороднымъ, по существу, судебнымъ рѣшеніемъ. Такъ, браминъ въ тибетской сказкѣ на пути въ судъ нечаянно убиваетъ ткача, упавши на него со стѣны; затѣмъ умерщвляетъ ребенка, не замѣтивъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ ему пришлось присѣсть. Подобно этому, и въ индѣйской сказкѣ, подсудимый сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, отчего та выкидывается, потомъ онъ сталкивается со всадникомъ и нечаянно вышибаетъ у лошади глазъ, а прыгивая въ каменоломню, убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшаетъ дѣло въ пользу подсудимаго, причемъ приговоры его сходны съ приговорами „Суда Шемяки“, относительно сына убитаго и выкинувшей женщины⁴⁾.

³⁾ Ibid., с. 402—403.

⁴⁾ Упоминая о мнѣшн Бенфея относительно буддійскаго начала нашей повѣсти, нельзя миновать также и его указаній въ данномъ случаѣ и на легенды, относящіяся до буддійской казуистики, по которымъ жрецъ, ненамеренно сѣвшій на ребенка и умертвившій его, долженъ добыть его матери другого, или же жрецъ, нечаянно упавшій со скалы и задавившій его, не лишается своего званія (Ibid., с. 397—398).

Въ связи съ этимъ, слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ сказаніяхъ, содержащихъ въ себѣ аналогичные приговоры, которые привязываются къ именамъ, сохранившимъ за собою традиціонную славу. Таковы, между прочимъ, приведенная А. Н. Веселовскимъ въ его извѣстномъ трудѣ („Сказанія о Соломонѣ и Китоврастѣ“, стр. 75) третья редакція 6-го суда Соломона.

Царю Соломону жалуется купецъ на бѣдняка, будто онъ воротилъ ему потерянный кошель со 100 фунтами, тогда какъ въ немъ было 120; по когда бѣднякъ шелъ на судъ, трескъ отъ лопнувшихъ на немъ кожаныхъ брюкъ испугалъ лошадь, отчего упала сидѣвшая на ней дама и лишилась глаза; бросившись съ отчаянія въ море, бѣднякъ упалъ на рыбака и убилъ его. Рѣшенія суда таковы: кошель присуждается бѣдняку, такъ какъ въ немъ всего 100 фунтовъ, а не 120; рыцарю, мужу изувѣченной дамы предоставить помѣняться женами съ виновнымъ, отчего рыцарь отказывается и даетъ даже отступнаго; брату рыбака предлагаютъ броситься съ берега въ море, причемъ мѣсто убитаго долженъ занять бѣднякъ; на это истецъ не согласенъ и даетъ 20 марокъ отступнаго.

Тѣмъ-же характеромъ запечатлѣна и сближаемая съ „Судомъ Шемяки“ пѣсня о Правдѣ Карла Великаго, изданная въ Вам-

бергъ 1493 г. и въ Страсбургъ 1494 г. ⁵⁾. „Von Keiser Karls recht. Wie er ein kauffmann und ein juden macht slecht. Von eins pfunds Schmerbs wegen das er aus seiner seitten vm. M. gl vsetzt het“. Пѣсня эта передана М. И. Сухомлиновымъ въ томъ видѣ, какъ она изложена въ изданіи Доцена (Altd deutsches Museum, II, 279—283 ⁶⁾). Сущность разсказа заключается въ слѣдующемъ: промотавшійся владѣлецъ богатаго наслѣдства запираетъ у жида 1000 гульденовъ съ обязательствомъ, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, отдать фунтъ своего мяса. По винѣ жида, должникъ просрочилъ три дня, а жидъ, желая получить условленную неустойку, ведетъ его къ императору Карлу на судъ. На пути лошадь бѣдняка раздавила ребенка: затѣмъ онъ, заснувши, свалился за окно и убилъ стараго рыцаря. Карлъ рѣшаетъ дѣла такъ, что жидъ долженъ самъ вырѣзать изъ тѣла подсудимаго условленный

⁵⁾ См. Grässe, Lehrbuch einer literärgeschichte. Zw. Bd., Dritte Abth., Erste hälfte, s. 302—303.—На евязъ „Суда Шемяки“ съ названной пѣсней указано было еще фонъ деръ-Гагеномъ (Literarischer Grundriss zur Geschichte d. deutschen Poesie durch F. H. von der Hagen u. I. G. Büsching. Berlin 1812 г., s. 172).

⁶⁾ „Повѣсть о судѣ Шемяки“ М. И. Сухомлинова (Сборникъ отд. рус. языка и словес. Имп. Академіи Наукъ, т. X, № 6), 1873 г., стр. 15—17. Ср. также „Лѣтописи рус. литературы“ Н. С. Тихонравова, 1859—60 г. кн. 5-я, отд. III, стр. 36.

фунтъ мяса, но не болѣе и не менѣе; въ случаѣ ошибки хоть на одинъ грамъ, ему угрожаетъ смерть. Наставленіе на смерти подсудимаго со стороны того, кому принадлежалъ раздавленный ребенокъ, оканчивается тѣмъ, что Карлъ предлагаетъ истцу

leg ihn zu deinem weibe.

dass er ein ander kind ihr mach'

nein! sprach der mann, das kind lass ich eh' fahren.

Искъ третьяго претендента, по приговору суда, можетъ быть удовлетворенъ только примѣненіемъ закона возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова: истцу предоставляется броситься изъ окна на отвѣтника, котораго посадятъ внизу на скамью, и убить его своимъ паденіемъ.

Подобная общность мотивовъ, удержавшаяся во всѣхъ упомянутыхъ сказаніяхъ, съ замѣчательной устойчивостью и почти неизмѣнностью, позволяетъ признать, въ вопросѣ о происхожденіи нашей повѣсти, одинъ общій источникъ для нихъ ¹⁾).

Но, сохранивъ въ основѣ своей первоначальную сагу, время и мѣсто происхожденія которой трудно пока опредѣлить съ точностью,

¹⁾ Чуждая русской повѣсти легендарная подробность о вырѣзаніи човѣческаго мяса была извѣстна въ нашей старинной литературѣ, см. объ этомъ въ цитированной уже монографіи г. Сухомлинова, стр. 19.

„Судъ Шемякинъ“, въ силу его живаго отношенія къ современной ему русской дѣйствительности, получилъ совершенно иное значеніе, чѣмъ то, какое имѣютъ приведенныя сказанія. Наша повѣсть является одинаково чуждой религіозному взгляду, на приговоры легендарнаго суда буддійскихъ разсказовъ, какъ равно далеко не безусловно готова преклоняться передъ справедливостью рѣшеній Карлова или передъ мудростью Соломонова суда. Но она же и не отрицаетъ такихъ взглядовъ. Напротивъ, въ „Судѣ Шемяки“ замѣтно какое-то колебаніе въ признаніи приговоровъ справедливыми. Съ одной стороны это судъ неправый, вызванный расчетами судьи на взятку, съ другой-же—приговоръ согласуется и съ традиціями издавна усвоенными повѣстью, и съ современными ей понятіями о справедливости. Въ данномъ случаѣ мы не говоримъ о точкѣ зрѣнія эпическаго безразличія, въ силу котораго

Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезнѣ:

Нмѣ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ ⁸⁾.

Это — въ нѣкоторомъ родѣ мораль, какую могъ отыскать русскій читатель въ „забавномъ“ содержаніи повѣсти. Гораздо важнѣе для нашихъ цѣлей остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ, весьма ясно вы-

⁸⁾ Заключительные стихи вышеупомянутаго переложенія „Суда Шемяки“. См. прим. 1.

раженныхъ въ повѣсти и освоившихъ ее съ условіями русскаго быта и воззрѣній. Дѣло въ томъ, что, по вѣрному опредѣленію характера „Суда Шемяки“, сдѣланному г. Сухомлиновымъ, первоначальное эпическое начало, при дальнѣйшемъ развитіи легенды, уступило мѣсто сатирическому элементу, хотя послѣдній и не сознавался старинными читателями, такъ какъ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшенія Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ семнадцатаго столѣтія (стр. 28—33). Этотъ-же «законъ возмездія», почитаемый на ряду съ мудрыми рѣшеніями, какими славится Соломонъ, даетъ право видѣть въ рѣшеніяхъ Шемяки сближеніе традиціи съ условіями дѣйствительной жизни, а не одни только своекорыстные расчеты судьи, которые, какъ мѣтко указалъ еще Бенфей (*ibid*, S. 401), представляются позднѣйшей вставкой. Самое приурочиваніе судебныхъ приговоровъ къ имени историческаго Шемяки ⁹⁾, отмстившаго за свое ослѣп-

⁹⁾ Объясненіе преданія о неправильномъ судѣ Шемякѣ см. у С. М. Соловьева, *Исторія Россіи*, т. IV, стр. 75—76. См. также К. Н. Бестужева-Рюмина, *Русская Исторія*, 1872 г., т. I, 414 и М. И. Сухомлинова, *ibid.*, стр. 31.

леніе тѣмъ же, поддерживало живучесть этой традиціи, присутствіе которой видно и въ помѣщаемыхъ ниже, для сравненія, талмудическихъ сказанійхъ о судахъ, могущихъ служить къ разясненію состава нашей новѣсти. Видоизмѣненіе же первоначальнаго мотива обусловилося, во первыхъ, тѣмъ, что „народная память видно не имѣла другаго героя правды и рассказъ принялъ форму сатиры” ¹⁰⁾. и еще болѣе, тѣмъ посредствующимъ вліяніемъ, благодаря второму была занесена къ намъ судная легенда, давняя жизнь «Суду Шемяки»

Въ данномъ вопросѣ особую важность представляетъ то обстоятельство, что въ спискахъ «Суда Шемяки», приведенныхъ въ извѣстность, новѣсть значителна заимствованной изъ «польскихъ книгъ» и входитъ въ составъ сборниковъ, содержащихъ рассказы забавнаго, увеселительнаго характера. Въ такомъ именно видѣ находится и факсимилированный обществомъ списокъ по рукописи XVII-го вѣка ¹¹⁾; одинаково, и въ одномъ изъ сборниковъ Толстого сказка «о Шемякѣ» значителна выписанной изъ польскихъ книгъ и помѣщенной рядомъ съ

¹⁰⁾ „Лѣтописи“ Н. С. Тихонравова, *ibid.*, 37 стр.

¹¹⁾ См. наше описаніе сборника, откуда заимствовано факсимиле, въ „Памятникахъ древней письменности“ 1878—79 г., стр. 85—88.

«Притчей о старомъ мужѣ»; ²⁾ такъ что Строевъ въ своемъ описаніи рукописей Царскаго (стр. 609), упоминая о стихотворномъ изложеніи «Суда Шемяки» ямбическимъ размѣромъ, прямо уже замѣчаетъ, что «коренная сказка о Шемякѣ не русская, а польская».

Но вѣроятность польскаго посредства подтверждается и нѣкоторыми данными изъ польской литературы, содержащей аналогичные съ «Судомъ Шемяки» эпизоды. Такъ, г. Тихонравовъ указываетъ на слѣдующій рассказъ изъ собранія разныхъ исторій, приложенныхъ при 2-й части «Похожденій новаго увеселительнаго плута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута Совѣсть-драла» ³⁾ «каменьщикъ, работая на высокой башнѣ, нечаянно съ оныя упалъ, и по счастью своему попалъ на человѣка, внизу сидящаго, котораго въ тожь время убилъ до смерти. Сынъ убитаго, позвавъ на судъ каменьщика, доказывалъ, что онъ смертоубиство сдѣлалъ. Но каменьщикъ въ отвѣтъ ему сказалъ: другъ мой! есть-ли я погрѣшилъ, то не требую и покаянія; взойди ты на то мѣсто, откуда я упалъ, и я саду гдѣ сидѣлъ твой отецъ и такъ бросаю внизъ, и убей меня до смерти». Точно также и относи-

²⁾ Описаніе рукописей Толстого, стр. 382 — 383. Г. Сухомлиновъ, *ibid.*, стр., 33. См. также о Забѣлинской рукописи въ „Очеркѣ лит. ист. стар. повѣстей и сказокъ русскихъ“ А. Н. Пыпина, стр. 301.

³⁾ „Лѣтописи“ г. Тихонравова, стр. 37.

тельно показывающаго камня судьѣ у извѣстнаго польскаго писателя второй половины XVI вѣка Николая Рея изъ Нагловицъ встрѣчается сходный разсказъ о человѣкѣ, «co sedziennu kamien' ukazował»¹⁴).

Что касается мотивированія нашей повѣсти взяточничествомъ судьи, оно зачастую встрѣчается въ произведеніяхъ польской литературы, но большей части, прошедшихъ чрезъ посредство западноевропейскаго вліянія. Такъ, между прочимъ, подобный же сюжетъ послужилъ основой для разсказа о подкупѣ судьи въ напечатанныхъ нами Фацеціяхъ, переведенныхъ съ польскаго¹⁵).

Всѣ вышеприведенныя данныя заставляютъ признать, что составъ нашей повѣсти смѣшанный, образованный нодъ различными вліяніями, но обстановка и развитіе первоначальнаго сюжета, какъ равно и самое мотивированіе разсказа видоизмѣнились примѣнительно къ условіямъ русской дѣйствительности. Это послѣднее обстоятельство, независимо отъ увеселительнаго характера повѣсти, сдѣлало ее однимъ изъ извѣстнѣйшихъ въ народѣ литературныхъ произведеній и положило начало лубочнымъ иллюстраціямъ «Суда Шемяки». Въ числѣ

¹⁴) Ibid., стр. 38.

¹⁵) См. „Памятники древней письменности“, ibid, стр. 98—99. П. Сухомлиновъ приводитъ также нѣсколько разсказовъ, построенныхъ на томъ же сюжетѣ, изъ французскихъ и польскихъ фацецій, ibid., стр. 21—23.